

Э. Кайзер, Н.А. Гаврилюк, М.Т. Кашуба, М.А. Кулькова

СОСУДЫ «ФРАКИЙСКОЙ ГРУППЫ» ИЗ СТЕПНЫХ ПРЕДСКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ¹

Статья посвящена лощеной керамике из погребений ранних кочевников (IX—VIII/VII вв. до н. э.) Северного Причерноморья. Обозначены основные проблемы, которые необходимо решать с учетом важных результатов, связанных с пересмотром концепции культурно-исторического развития лесостепи Северного Причерноморья (включая Восточное Прикарпатье) и понижением хронологии предскифского и раннескифского периодов. Кратко проанализированы сосуды «фракийской» группы (более 40 экземпляров), присутствие которой среди степной лощеной керамики ставилось под сомнение, а материалы считались малочисленными.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, ранний железный век, ранние кочевники, культура Сакхара, культура Басарабь-Шолдэнешть, керамика, орнаментация.

Первые века I тыс. до н. э. характеризуются глобальными изменениями в укладе жизни степных племен юга Восточной Европы, когда земледельческо-скотоводческое хозяйство и оседлый быт сменяются скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни. В условиях кочевого быта продолжает использоваться, но в меньшем количестве, посуда из глины, при этом ее значение, как ведущего этнокультурного признака, понижается. Считается, что из-за хрупкости и малой пригодности для транспортировки, керамика не принадлежит к основному инвентарю кочевых групп или групп мобильного образа жизни. Вместе с тем, благодаря ежегодным раскопкам фонд такого рода находок неуклонно пополняется.

Источником для изучения керамики у ранних кочевников всегда служили материалы из степных погребений предскифского периода. В свое время А.И. Тереножкин впервые представил полноценный каталог раннекочевнических («киммерийских») погребений, предложил их интерпретацию, датировку и периодизацию. В числе прочего инвентаря он проанализировал и керамику, в частности, обратил внимание на близкие аналогии в земледельческо-скотоводческих культурах лесостепной зоны Северного Причерноморья [Тереножкин, 1976, с. 15]. В специальной литературе неоднократно отмечено, что труды А.И. Тереножкина заложили основы для изучения предскифского периода на юге Восточной Европы. Обращаясь к этой теме, авторы отдадут дань этому выдающемуся исследователю и считают за честь внести посильный вклад в начатое им важное научное направление.

После работ А.И. Тереножкина проблематика «киммерийской культуры» юга Восточной Европы неоднократно являлась предметом специальных исследований, в которых было уделено внимание и керамике из степных погребений ². Упомянем несколько работ, которые вывели интересующую нас проблематику на качественно новый уровень изучения и стимулировали новые направления.

В конце 1970-х гг. одна из авторов настоящей статьи опубликовала исследование, в котором впервые были представлены классификация и типология лощеной керамики из степных предскифских погребений. Важным оказался автор-

1. Работа выполнена при поддержке Фонда Фольксваген (Германия), грант № 90 216.

© Э. КАЙЗЕР, Н.А. ГАВРИЛЮК, М.Т. КАШУБА,
М.А. КУЛЬКОВА, 2017

2. В задачи настоящей статьи не входит полный анализ всех работ, так или иначе касающихся проблем изучения керамики из степных предскифских погребений Северного Причерноморья.

ский подход, когда на основе анализа керамики были выявлены местные и заимствованные компоненты в «киммерийской» культуре [Гаврилюк, 1979, с. 20]. Речь шла о том, что в составе посуды IX — первой половины VII в. до н. э. из степных северопричерноморских погребений присутствуют несколько разных по происхождению групп керамики (см. [Гаврилюк, 1999, с. 85; 2004, с. 25]). Во всех дальнейших исследованиях этот вывод никем не оспаривался и помимо хронологии, всегда обсуждались характер и состав раннекочевнического керамического комплекса.

В те же годы увидел свет капитальный труд А.И. Мелюковой, посвященный фракийскому влиянию в культурах предскифского и скифского времени Северного Причерноморья. В числе остальных находок исследовательница рассмотрела керамику из погребений степной зоны. Она выявила формы и орнаменты, которые сопоставила с посудой типа Сахарна и типа Шолдэнешть, относимой к фракийскому миру [Мелюкова, 1979, с. 62]. Длительная и оживленная дискуссия о происхождении (пришлый или местный) геометрического узора на керамике предскифского периода в Северном Причерноморье (см. [Скорый, 1999, с. 46; Кашуба, 2000а, с. 246, библиография; Бруяко, 2005, с. 14]) не помешала обозначить «фракийскую» группу в посуде из степных захоронений. Однако эту точку зрения разделяли не все специалисты, чему способствовали подходы и самой А.И. Мелюковой к датировке Сахарны и ее статусу. Речь шла о «группе Сахарна» — небольшом количестве памятников, не имеющем тогда статуса археологической культуры. Хотя исследовательница отстаивала не местный, а пришлый балкано-дунайский характер чернолесско-жаботинской лощеной посуды и ее орнаментации, хронологию Сахарны она выстраивала через синхронизацию с поздним Чернолесьем [Мелюкова, 1989, с. 21]. Соответственно, А.И. Мелюкова датировала тогда Сахарну не ранее конца IX в. до н. э., а основной период ее бытования — VIII — началом VII в. до н. э. [Там же]. Тем самым невозможно было выстроить хронологический приоритет в поисках аналогий степным сосудам: речь шла о синхронных или частично синхронных культурах (Сахарна и позднее Чернолесье) в лесостепи Северного Причерноморья, поэтому в орнаментации и форме одного и того же сосуда специалисты нередко усматривали совсем разные культурные влияния.

Заслуживает внимания исследование С.А. Скорого, хотя и посвященное «киммерийцам» лесостепной зоны Северного Причерноморья, но содержащее весьма ценные наблюдения о характере и составе керамических наборов в степных «киммерийских» погребальных комплексах [Скорый, 1999, с. 43—47]. В частности, автор отметил, что «керамический набор киммерийских погребений Лесостепи отличается от степных захоронений и по количеству сосудов, и по ассортименту послед-

них. В степных могилах, как правило, находят по одному сосуду» [Там же, с. 43]. Исследователь пришел к выводу о местном характере керамики из «киммерийских» погребений лесостепи и вновь поднял вопрос о первичных территориях, откуда лощеная посуда попадала в степные предскифские комплексы [Там же]. Он привел мнение ряда исследователей о проникновении лесостепных форм в степь, как свидетельство тесных контактов со стороны лесостепных племен с «киммерийцами» или со стороны «киммерийцев» с лесостепью (см. [Ильинская, 1975, с. 168; Тереножкин, 1976, с. 96; Мелюкова, 1989, с. 15; Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 152]), и выдвинул оригинальную идею. На основании того, что «киммерийцы степного ареала ... не пользовались лесостепной керамикой», он предположил, что погребения с чернолесско-жаботинской посудой в степи могли быть оставлены оседлым земледельческим населением [Скорый, 1999, с. 47, сн. 25].

К работам, придавшим новый импульс рассматриваемой здесь проблематике, бесспорно, принадлежит исследование И.В. Бруяко. Помимо собранного им корпуса предскифских погребений с керамикой из Северо-Западного Причерноморья, автор предложил новую классификацию орнаментации сосудов и выдвинул основы для придания «геометрической» керамике статуса хронологического индикатора предскифского периода [Бруяко, 2005, с. 13—73]. Рассматриваемая работа содержит также оригинальный очерк развития причерноморско-балканской «геометрии» в сопоставлении с кавказско-крымской (в том числе кобанской) «геометрией», по терминологии И.В. Бруяко [Там же, с. 52, рис. 14]. Исследователь привлек широкий спектр аналогий геометрическому узору из культур лесостепной зоны, разделяя их территориально — Среднее Поднепровье и Среднее Поднестровье, и хронологически — Чернолесье II / Жаботин и Сахарна / Шолдэнешть, соответственно. Он выявил совстречаемость орнаментальных мотивов и композиций на керамике и в случаях, когда это возможно, проверяя свои наблюдения иными, некерамическими хроноиндикаторами. Представленный И.В. Бруяко вариант хронологии памятников Северо-Западного Причерноморья на основе анализа массовой категории погребального инвентаря — геометрической керамики — убедителен, особенно, по части последовательности и / или соотношений комплексов между собой [Там же, рис. 3, табл. П]. Что касается абсолютных датировок погребений, их «этнокультурных» привязок, то здесь потенциал изучения далеко не исчерпан. В частности, новые данные по раннекочевническому захоронению Паркань, 97 показали, что его можно поместить в конец IX — начало VIII в. до н. э. и отнести к продукции керамистов¹ культуры Сахарна [Кашуба, 2016, с. 187]. Предложенная И. В. Бруяко классифика-

1. Термин «керамисты» в данном контексте используется условно.

ция орнаментации сосудов из предскифских погребений несет большой потенциал по части своего использования и дальнейшего развития. Важным оказалось разделение мотивов и композиций узора на архаические, чернолесско-сахарнянские (по терминологии И.В. Бруяко) и жаботинские, что позволяет более детально подходить к такому источнику, как лощеная орнаментированная посуда у ранних кочевников (см. ниже).

Масштабное исследование по «киммерийцам» Северного Причерноморья опубликовано С.В. Махортых. Он представил наиболее полный на сегодняшний день каталог предскифских захоронений, тем самым расширив источниковедческую базу, заложенную еще А.И. Тереножкиным, а также дал полновесную характеристику материальной и духовной культуры «киммерийцев», уточнил абсолютную и относительную хронологию и пр. [Махортых, 2005]. В своей работе он уделил значительное внимание и посуде, имевшей хождение в степных мобильных сообществах на протяжении всего предскифского периода. Автор широко и во многом убедительно использовал близкие аналогии в морфологии и орнаментации сосудов из степной зоны в предшествующий период (белозерская культура), а также из лесостепи синхронного времени (культуры позднечернолесская, жаботинская, Сахарна) [Махортых, 2005, с. 72—76, 106—110, рис. 33—38; 40—45]. В монографии С.В. Махортых хорошо показано, что лощеная керамика из степных «киммерийских» погребений фактически не обнаруживает аналогий в позднечернолесской культуре Среднего Поднепровья, зато имеет множество параллелей на последующем по времени Жаботинском поселении [Там же]. Добавим, что современные исследования показывают необходимость уточнений в описании некоторых сосудов и их классификации, а также расширение списка памятника за счет опубликованных новых и ранее неизвестных материалов (см. [Гребенников, 2008, с. 19; Ромашко, 2013]).

Недавно опубликована работа, посвященная лощеной посуде из предскифских погребений Северного Причерноморья [Дараган, Подобед, 2012, с. 332; 2013, с. 32]¹. Ценность этого исследования, в первую очередь, заключается в том, что авторы собрали максимально полный список «киммерийских» погребений с лощеной посудой², а также поставили вопрос о достоверности ее воспроизведения в изданиях. Они опубликовали качественные рисунки и фотографии ранее неизвестной лощеной керамики, посвятив отдельный пассаж примечательному сосуду из Любимовки, 56/2 [Дараган, Подобед,

2013, с. 32—35, рис. 1; 2]. В центре внимания оказалась орнаментация, но она рассматривалась, фактически, без связи с формами сосудов. Подход авторов к изучению собственно узора вызывает вопросы, так как декор степных образцов был проанализирован по «схеме, примененной к жаботинской орнаментации лесостепи» на основе «совпадения форм, отделки наружной поверхности, построения композиций геометрического орнамента (очень часто затертого белой пастой)» [Там же, с. 34]. Опубликованная ранее эта схема сама по себе представляет интерес: она детализирована и может быть использована в качестве примера или методических наработок для описания узора на посуде других культур или другого времени [Дараган, Пефтиц, 2011, с. 411]. Однако, ссылаясь на источники, авторы на самом деле им противоречат, потому что весь корпус лощеной посуды, как и сами степные предскифские погребения, фактически оказались привязанными к горизонту развития Жаботинского поселения, и только. Жаботинское поселение ранее рубежа IX/VIII — начала VIII в. до н. э. не существовало, по меньшей мере, его раскопанная часть (см. [Дараган, Кашуба, 2008, с. 59; Дараган, 2011, с. 531, 545]). Справедливо указывая, что ранние мотивы орнаментации (например, Касперовка, 2/5 и др.) сопоставимы с наиболее ранним горизонтом Жаботин Iа, авторы почему-то упускают из виду, что этот горизонт выделен на основе аналогий в культуре поздняя Сахарна [Там же]. Серьезные вопросы вызывает и употребляемый авторами термин «группа Сахарна», который давно является историографическим фактом (см. выше). Здесь речь должна идти о хронологическом приоритете, применяя который И.В. Бруяко, в частности, убедительно датировал в пределах IX в. до н. э. целый ряд сосудов (и комплексов) из Северо-Западного Причерноморья [Бруяко, 2005, рис. 3]. В противном случае, проделав интересное и во многом полезное исследование, М.Н. Дараган и В.А. Подобед фактически не увидели ранние комплексы с керамикой и сконцентрировали свое внимание на «сквозных формах и типах орнаментации сосудов, характерных как для поздней Сахарны, так и для Жаботина» в «эпоху господства жаботинского кубка в предскифской степи» [Дараган, Подобед, 2013, с. 40—41]. На самом деле, дифференцированный подход к источнику — лощеной посуде из предскифских погребений — дает более выразительную картину (см. рис. 1—9).

Можно заключить, что изучение лощеной керамики из степных предскифских погребений Северного Причерноморья — это динамично развивающийся исследовательский процесс, в котором остаются многие вопросы:

1) пользовались ли ранние кочевники своей посудой — речь идет о «степной» группе и ее корнях в степной белозерской культуре, с од-

1. Фактически, была опубликована одна работа с одинаковым названием в двух версиях — укороченной (2012) и более расширенной (2013).

2. Или погребений черногородовской культуры, согласно М.Н. Дараган и В.А. Подобеда.

Рис. 1. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья с лощеными сосудами, сопоставимыми с керамикой культур Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть (предварительный вариант, без указаний памятников) Условные обозначения: а — керамика, сопоставимая с посудой культуры Сахарна; б — керамика, сопоставимая с посудой культуры Басарабь-Шолдэнешть

ной стороны, а также местных, степных подражаниях чуждым, внестепным формам;

2) пользовались ли ранние кочевники лесостепной посудой из Среднего Поднепровья — речь идет об этнокультурной принадлежности степных погребений с чернолесско-жаботинской керамикой;

3) какая «чужая» посуда была у ранних кочевников — речь идет о разграничении во времени и пространстве контактов, отложившихся в глиняной посуде;

4) какова динамика взаимоотношений между ранними кочевниками и оседлыми сообществами — речь идет о дифференциации внутри «фракийской», «лесостепной» (чернолесско-жаботинской) и других групп в корпусе степной лощеной керамики.

Хотя обозначенный круг вопросов, по большому счету, новым не назовешь, в последние десятилетия появились важные результаты, имеющие прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Были существенно пересмотрены концепции культурно-исторического развития лесостепи Северного Причерноморья (включая Восточное Прикарпатье) и понижена хронология предскифского и раннескифского периодов.

Новые материалы и исследования не подтверждают традиционной концепции, согласно которой позднернолесская культура доживает до жаботинского этапа, который датируется исключительно раннескифским временем и

представлен во всей северо-причерноморской лесостепи. Устойчивое мнение, что в позднернолесской культуре лощеная керамика с геометрическим узором многочисленна, не подтверждается новыми исследованиями [Пефтиць, 2005, с. 53, рис. 1; 2; Дараган, 2011, с. 424—427; Дараган, Подобед, 2013, с. 41—42]. Если это верно, то вряд ли ее окажется много в степных предскифских погребениях, да и местная линия развития геометрического узора в лесостепи Среднего Днепра прослеживается только с началом Жаботина [Бруяко, 2005, с. 52—63].

Много изменений коснулось и самого Жаботина. Согласно новым данным, на Среднем Днестре жаботинский этап отсутствует [Ларина, Кашуба, 2005, с. 212], а сам он лишился своего расширительного статуса. Новый анализ материалов Жаботинского поселения и синхронных находок в погребальных комплексах позволил выделить жаботинскую археологическую культуру, которая в VIII — начале VI в. до н. э. занимала сравнительно небольшую территорию — южную часть лесостепного Правобережья Днепра [Дараган, 2011]. Проведенные М.Н. Дараган исследования подтверждают, что в Северном Причерноморье не было «жаботинского этапа», но существовала жаботинская культура. В таком случае, едва ли всю разнообразную лощеную орнаментированную посуду (особенно кубки) в степных комплексах нужно относить к продукции жаботинских мастеров по глине.

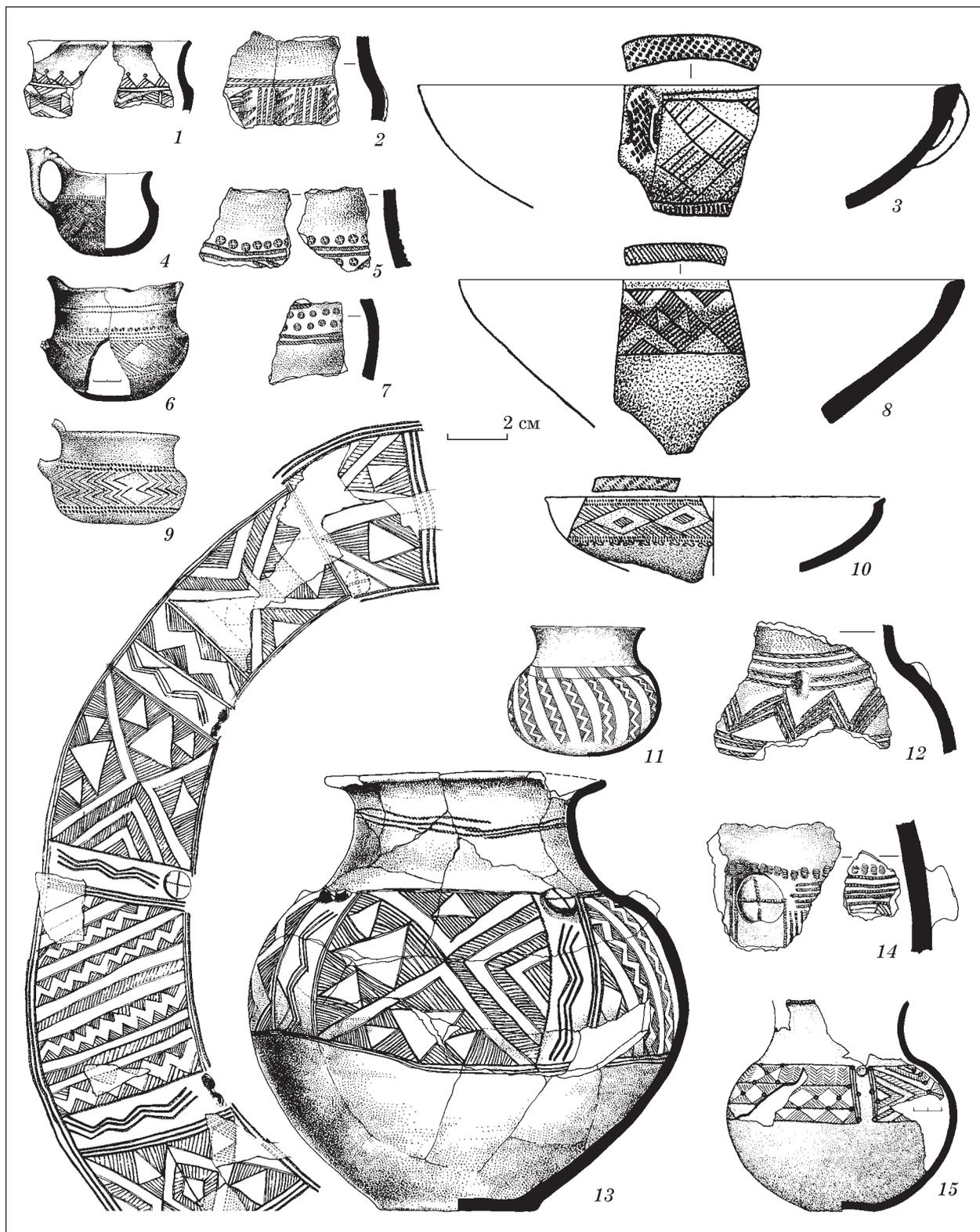

Рис. 2. Лощеная керамика культуры поздней Сахарны; выборочно: 1, 2, 5, 7, 12–14 — Сахарна-Цыгглэу, раскоп I (1 — скопление керамики 1; 2, 12, 15 — яма 2; 5, 14 — яма 9; 7 — яма 4; 13 — яма 6); 3, 4, 6, 8, 10 — Алчедар III, раскоп IV, второй горизонт (3, 6, 8 — яма 76; 4 — яма 97; 10 — яма 133); 9 — Алчедар, могильник, ящик III; 11, 15 — Глинжень II-Ла Шанц (11 — ритуальное скопление 1; 15 — ритуальные скопления 12 и 13) (1, 2, 5, 7, 12–14 — по Niculiță, Nicic, 2014; 3, 4, 6, 8–10 — по Кашуба, 2000а; 11, 15 — по Гольцева, Кашуба, 1995; опубликовано — Дараган, Кашуба, 2008, рис. 2)

Как известно, основой новых датировок основания Жаботинского поселения (около 800 г. до н. э.) и раннего горизонта Жаботин-I (первая по-

ловина VIII в. до н. э.) послужило наличие на Жаботинском поселении элементов культуры поздняя Сахарна [см. Дараган, Кашуба, 2008,

с. 46, 59, рис. 1; Дараган, 2011, с. 531, 545]. Согласно современным, принятым для раннегалльштатской культуры Сахарна датам, ее начало приходится на конец XI — рубеж XI/X вв. до н. э., а поздние материалы не выходят далеко в VIII в. до н. э. (см. [Kašuba, 2008a, S. 210]), что оказалось древнее где-то на полстолетия по сравнению с ранее предложенными датами [Kašuba, 2000a, с. 340, рис. XXXIX]. Были охарактеризованы мотивы и композиции геометрического узора, характерного для поздне-

го этапа развития культуры Сахарна [Kašuba, 2000a, с. 307, 340, рис. XXXVI; XXXVII] (рис. 2). Новые масштабные раскопки сахарнянских памятников в Среднем Поднестровье подтверждают эти данные (см. [Niculiță, Zancsi, Arnăuț, 2008]), как и материалы поселения Сахарна-Цыглэу, большая часть которых относится к позднему этапу развития культуры Сахарна [Niculiță, Niciș, 2014, p. 84, tab. 1—23].

Изменились взгляды и на развитие культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть) на Сред-

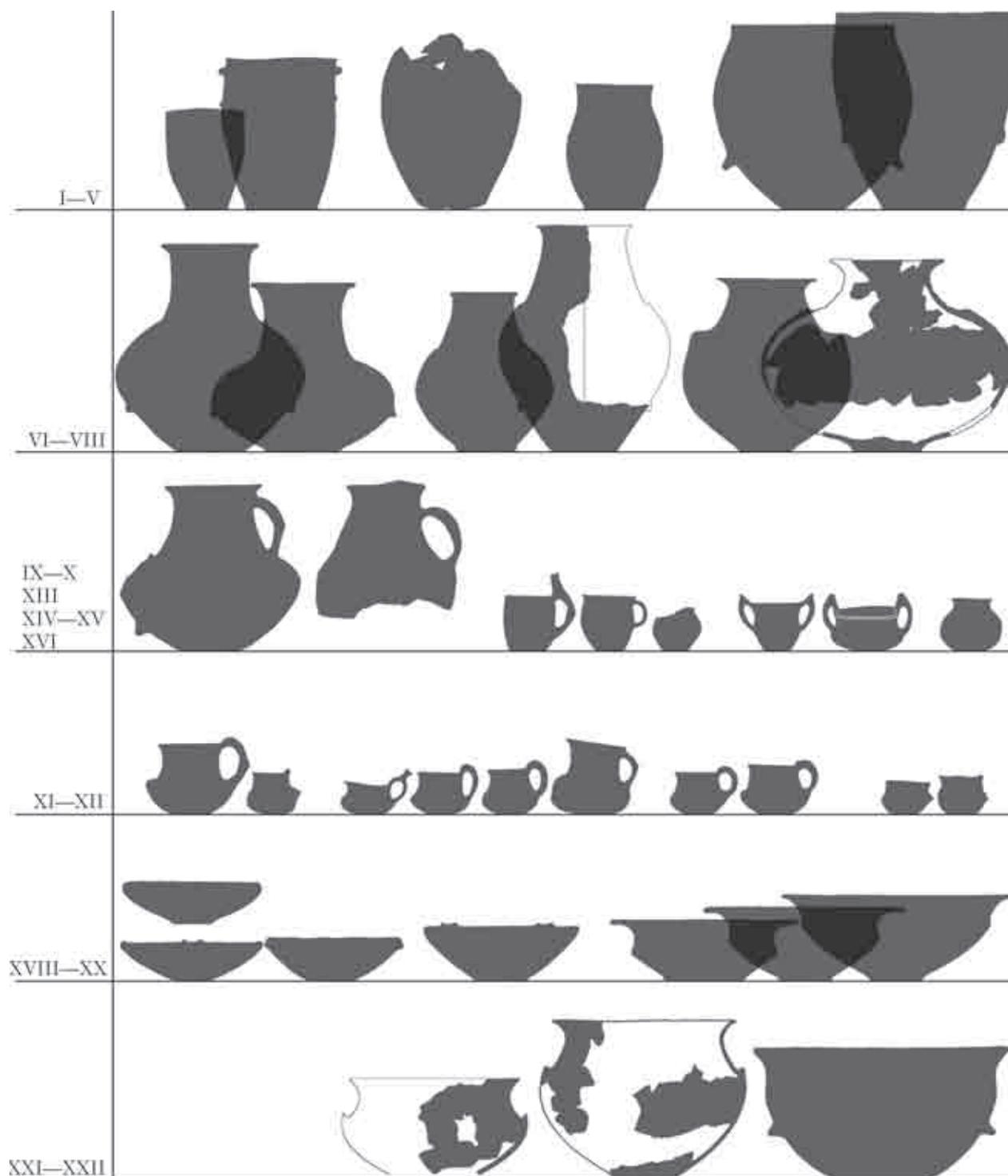

Рис. 3. Керамический спектр культуры Басарабь—Шолдэнешть Среднего Поднестровья (по Kašuba, 2008, fig. 6)

нем Днестре, которая небольшой промежуток времени (начало — первая четверть VIII в. до н. э.) сосуществовала с культурой поздней Сахарны [Кашуба, 2000б, с. 140], далее охватывала весь VIII в. до н. э. и прекратила свое существование где-то в середине VII в. до н. э. [Kašuba, 2007, S. 369; Kašuba, 2008b, p. 37]. Проведены систематизация шолдэнештских материалов, классификация и типология керамики, в том числе ее орнаментации (рис. 3). Были существенно скорректированы и представления о присутствии в Северном Причерноморье культурного комплекса Басарабь. Культура Шолдэнешть на Среднем Днестре — это памятники его восточной периферии, а на остальной северо-причерноморской территории отложились прямые контакты, импорты (глиняные жертвенники, керамика, отдельные изделия) и присутствуют имитации [Там же]. Присутствие здесь прямых импортов культурного комплекса Басарабь подтверждается, например, сосудом из Сараты, 10/13¹ (рис. 5, 3), а имитацией — сосудом из Любимовки, 56/2 (рис. 4, 1). Возникает также вопрос, в какой среде могли производить такого рода имитации или, по образному выражению М.Н. Дараган и В.А. Подобеда, «оригинально прочитывать басарабский “текст”» [Дараган, Подобед, 2013, с. 33]: в оседлых сообществах лесостепной зоны или в степных мобильных группах? В этой связи любопытен фрагмент из позднесахарнянского поселения Сахарна-Цыглэу: на небольшом кубковидном сосуде (рис. 4, 2) узор подражает орнаменту культуры Басарабь, а его манера исполнения сопоставима с декором на сосуде из Любимовки (рис. 4, 1).

Все эти данные имеют прямое отношение к рассматриваемой нами теме. При изучении лощеной керамики из степных пред-

Рис. 4. Имитации узора культурного комплекса Басарабь на сосудах из Северного Причерноморья; выборочно: 1 — Любимовка, 56/2; 2 — поселение Сахарна-Цыглэу (1 — по Дараган, Подобед, 2013, рис. 1, 4; 2 — по Niculiță, Nicic, 2014, tab. 4, VC)

Рис. 5. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — сосуды с ручкой (1, 3), кубки с отогнутым венчиком и цилиндрическим горлом (2, 4, 5), сопоставимые с керамикой культуры поздняя Сахарна и культуры Басарабь-Шолдэнешть; выборочно: 1 — Рошкань, 3/4; 2 — Траповка, 1/7; 3 — Сарата, 10/13; 4 — Слободзея, 3/1; 5 — Глиное, 4/2

1. Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Сарата, 10/13 соответствует могильник Сарата, курган 10, погребение 13.

Рис. 6. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — кубки с зональной орнаментацией, сопоставимой с узором на керамике культуры Сахарна, выборочно: 1 — Васильевка, 1/8; 2 — Красное, 5/3; 3 — Кэушень, 1/2; 4 — Томарино, 8/4; 5 — Паркань, 97

скифских погребений Северного Причерноморья их нельзя просто игнорировать. Отмеченные выше проблемы с учетом новых датировок и концепций авторы будут рассматривать комплексно, с привлечением современных аналитических методов исследования древней керамики, охарактеризованных нами ранее [Кайзер и др., 2016, с. 34].

В настоящей работе кратко остановимся на сосудах «фракийской»¹ группы, присутствие которой среди степной лощеной керамики из

предскифских погребений многим специалистам кажется не столь очевидным, да и сами материалы считались малочисленными и разрозненными. Характеристика такой посуды позволит показать не только состав группы, но и проследить взаимовстречаемость с сосудами других генетических групп и другими находками, выявить связь набора керамики с конструкцией погребального сооружения, положением в могиле и с половозрастными характеристиками погребенных и т. д.

1. Термин «фракийская» группа используется условно: им обозначены сосуды из степных комплексов, сопоставимые с керамикой из Среднего Поднестровья —

раннегальштатской культуры Сахарна и среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть.

Рис. 8. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — черпаки и другие сосуды, орнамент которых сопоставим с узором на керамике культуры Сахарна; выборочно: 1 — Великодолинское, группа 1, 2/11; 2 — Виноградный Сад, 4/2; 3 — Петродолинское, 2/1; 4 — Киркэешть, 2/6

Кратко охарактеризуем состав и орнаментацию «фракийской» группы. Это более 40 лощеных сосудов, происходящих из погребальных

памятников черногоровского и новочеркасского периодов степной зоны Северного Причерноморья (рис. 1). Они представлены кубками

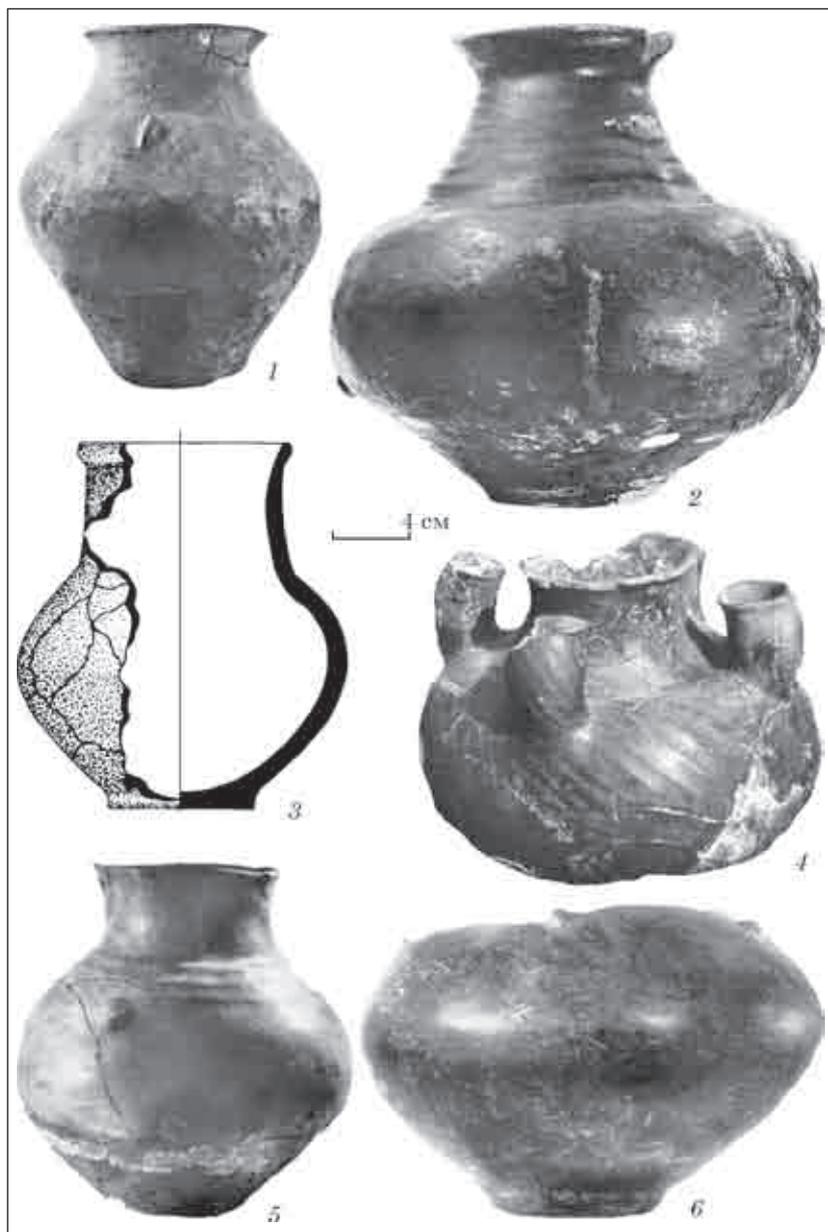

Рис. 9. Погребения ранних кочевников Северного Причерноморья — корчаги с цилиндрическим и с конусовидным горлом, сопоставимые с керамическими формами культуры Басарабь-Шолдэнешть; выборочно: 1 — Костычи (Костычево), 2/2; 2 — Калиновка, 1/2; 3 — Глиное, 4/2; 4 — Великая Александровка, 1/1; 5 — Суворово, 6/1; 6 — Петрово-Свистуново, курган

(три типа), кубковидными сосудами, корчагами (три типа) и сосудами с ручками (черпаками и кувшинами)¹. Отметим, что они выделяются визуально своей качественной лощеной внешней поверхностью, а их узор почти всегда затерт белой пастой (см. ниже). Рассмотрим отдельные примеры (рис. 5—9).

Кубки с отогнутым венчиком и высокой шейкой слегка изогнутой или цилиндрической шей-

*кой, шаровидным туловом и плоским дном*². Это сосуды с правильными пропорциями: соотношение высоты и наибольшего диаметра тулова близко к единице — от 0,94 до 1,17. Сосуды изготовлены из темной формовочной массы с примесью известковых включений, покрыты хорошим черным лощением. Орнамент рельефный — на плечиках по четыре конусовидных налета: Глиное, 4/2 [Яровой, Агульников, 1995, с. 181—183, рис. 1] и Траповка, 1/7 [Ванчугов, Загинайло, Тоцев, 1976, с. 219, рис. 2, 3, 4], сюда же относится и кубок из Слободзеи, 3/1 [Яровой, Кашуба, Махортых, 2002, с. 290—230, рис. 3, 9]. Высота кубков не превышает 15, кубковидного сосуда из Глиного — 27 см (рис. 5, 2, 4, 5).

Два погребения, в которых найдены кубки описанного типа, впускные, захоронение в кургане у с. Глиное — основное. Погребение из Слободзеи, 3/1 происходит из кургана с горелым шатровым сооружением, устроенным над основным погребением 3. Использование дерева зафиксировано и в погребении Глиное, 4/2 — прямоугольная яма имела деревянное перекрытие. В остальных комплексах форма ямы не определена. Все три погребения принадлежали взрослым. Скелет в погребении у с. Глиное был уложен на левом боку, головой на восток, на подстилку из овечьей шкуры. Положение погребенных в двух других курганах — вытянуто на спине. Сосуды найдены в группах

инвентаря, связанных с напутственной пищей, которая располагалась, как правило, у головы или в районе плеч погребенных. Сосуды из Траповки и Глиного — аналогичны по форме и орнаментации. В целом, группа кубков с отогнутым венчиком и высокой шейкой имеют аналогии как в поздних памятниках культуры Сахарна (рис. 2), так и в культуре Басарабь-Шолдэнешть Среднего Поднестровья (рис. 3).

1. В настоящей статье охарактеризованы не все сосуды, которые можно отнести к «фракийской» группе. Импорты и подражания керамике культурного комплекса Басарабь здесь также не рассматриваются.

2. Поскольку объемы статьи не позволяют привести полный каталог сосудов, здесь принята короткая схема их описания и при первом упоминании сосуда даются ссылки на первую публикацию.

Кубки приземистые (соотношение высоты и наибольшего диаметра тулова 0,79—0,97) с короткой изогнутой шейкой, шаровидным туловом и округлым вогнутым или вдавленным (с умбоном) дном. Сосуды изготовлены из темной формовочной массы с примесью дресвы и органических включений. Они покрыты хорошим черным лощением. К этому типу лощеной керамики принадлежат более десятка «фракийских» сосудов (рис. 6). Средняя часть тулова таких сосудов покрыта резным или штампованным орнаментом в виде широкого пояса. По особенностям организации внутреннего пространства кругового пояса орнаментация этих кубков делится на зональную, панорамную с повторяющимся мотивом и панорамную с неповторяющимися мотивами.

Кубки с зональной орнаментацией составляют самую многочисленную группу. К ним относятся находки из Васильевки, 1/8 [Шевченко, 1987, с. 143—145, рис. 2, 1—7], Кэушень, 1/2 [Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, с. 72—76, рис. 33, 5]; Колшаковка, 4/1 [Ромашко, 1981, с. 85—86, рис. 1, 6—8]; Паркань, 97 [Мелюкова, 1962, с. 116, табл. 1]; Томарино, 8/4 ([Дараган, Подобед, 2013, с. 36—37; рис. 4, 1] — перепутано с Тамарино в Николаевской обл. — см. [Евдокимов, Куприй, Солтыс, 1989/24]); Терновка, курган 1 ([Тереножкин, 1976, с. 66, 40] — перепутано с Терновое [Славин, Бондар, 1956/10а]) и др. (рис. 6). Широкий поясок резного орнамента, дополненного отпечатками круглого штампа или отпечатками зубчатого штампа, располагался на средней части внешней поверхности тулова сосуда. Поясок делится вертикальной незаштрихованной полосой с выступами или налестками на плечиках, как правило, на четыре зоны. Чаще всего повторяется квадрат, в который вписан незаштрихованный крест из полос: все зоны — Терновка и Васильевка (рис. 6, 1), две зоны — Паркань (рис. 6, 2), Томарино (рис. 6, 4) и Колшаковка.

Такая же орнаментация зафиксирована на кубковидных сосудах из Семеновки, 2/1 [Субботин, Охотников, 1981, с. 102—103, рис. 1, 8, 9, 11] (рис. 7, 1) и Привольного (Новый Буг) (рис. 7, 2), а также корчаги из Конгаза, 1/1 [Махортых, 2005, с. 338, рис. 98, 6] (рис. 7, 3). Описанные мотивы орнаментации находят прямые аналогии среди посуды культуры поздняя Сахарна (рис. 2), аналогичный узор имеет кубковидный сосуд из поселения Сахарна-Цыгләу [Niculiță, Niciș, 2014, p. 192, tab. 2, fig. 84, 3a—c].

Встречаются кубки, одна из зон орнаментации которых покрыта рядами из небольших треугольников, заполненных косыми линиями, которые обычно размещались в шахматном порядке вершинами вверх. Такая же орнаментация располагалась на тулове двух черпаков — Виноградный Сад, 4/2 [Махортых, 2005, с. 322, рис. 69, 2] (рис. 8, 2) и Петродолинское, 2/1 [Ванчугов, Островерхов, 1984, с. 18, рис. 3, 10]

(рис. 8, 3). В шахматном порядке располагались группы коротких косых линий на кубке из Красное, 2/7 [Серова, Яровой, 1987, с. 33—35, рис. 14, 4—6] (рис. 6, 2) и кубковидном сосуде из Семеновки (рис. 8, 1), а также на черпаке из Киркэешть, 4/6 [Чеботаренко, Яровой, Тельнов, 1989, с. 141—143, рис. 62, 1, 2] (рис. 8, 4). Аналогичная орнаментация характерна для поздней Сахарны, в частности, присутствует на лощеных сосудах из поселения Сахарна-Цыгләу [Niculiță, Niciș, 2014, p. 192, fig. V; VIII, A—D].

Еще один мотив орнаментации кубков — чередование диагоналей: косые полосы, заполненные штриховкой из горизонтальных линий и косых полос без штриховки (Томарино — рис. 6, 4). На кубке из Паркань чередуются косые незаштрихованные линии с косо расположенными и тоже незаштрихованными ломаными линиями (рис. 6, 5).

Круговая (панорамная) орнаментация представлена (панорамная с изогнутым горлом из Великодолинского, группа 1, 2/11 [Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с. 192, 193, рис. 4, 1, 2, 6, 7] (рис. 8, 1) и Великой Александровки, 1/1 [Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 144 сл.]. Аналогичный орнамент имеется на кубковидном сосуде из поселения Сахарна-Цыгләу [Niculiță, Niciș, 2014, p. 312, fig. 84, 3a—c].

Сосуды с орнаментацией, сопоставимой с узором на керамике культуры Сахарна, происходят из погребений как со скорченными скелетами на левом боку (Великодолинское, Колшаковка, Красное, Терновка, Семеновка и др.) и преобладающей ориентацией на восток, так и с вытянутыми на спине (Васильевка, Кэушень, Паркань, Костычи и др.) с ориентацией на запад или юго-запад. Если считать положение скелета хронологическим маркером [Тереножкин, 1976, с. 200—201], то лощеная керамика с орнаментацией, аналогичной орнаментации керамике культуры Сахарна, встречаются в погребениях как черноговровского, так и новочеркасского этапов. Это наблюдение не противоречит ни датировке «киммерийской» культуры в Северном Причерноморье, ни культуры Сахарна (см. выше).

Сосуды с ручками представлены кувшинами и черпаками. Кувшинами считаются сосуды с ручками, у которых высота превышает наибольший диаметр, т. е. соотношение высоты и максимального диаметра тулова составляет 1—1,1. К таким сосудам относятся кувшины из Рошкань, 3/4 [Борзияк, Дубовская, 1986, с. 71—73, рис. 1] и Сарата, 10/13 [Ванчугов, Черняков, 1984, с. 18, рис. 3, 12] (рис. 5, 1, 3). Небольшие петлевидные ручки таких сосудов крепились на горле. Кувшины из указанных погребений имели рельефный орнамент — каннелюры в основании шейки (Рошкань и Сарата) или конические налестки на плечиках сосудов. Налестки на плечиках сосуда из Рошкань окружены парой дуговидных налестков (рис. 5, 1). По особен-

ностям орнаментації і формі ці кувшини належать до лощеної кераміки, яка має аналогії в керамічному комплексі культури Шолдзешть (рис. 3).

Черпаки із Петродолинського, 2/1, Виноградного Сада, 4/2 і Киркзешть, 2/6 повторюють форму черпаків з S-овидним профілем. Днища округлі, з умбоном в центрі. Їх ручки: овальна в сеченні з гвоздевидним виступом — у черпака із Петродолинського, і ленточні — у черпаків із Виноградного Сада і Киркзешть, — піднімаються вище венчика посуду (рис. 8, 2—4).

Черпаки орнаментовані резними лініями (трикутники, розташовані в шахматному порядку на черпаку із Петродолинського, і групи коротких косих ліній, розташовані в шахматному порядку на черпаку із Киркзешть — рис. 8, 4), зубчастим штампом (черпак із Виноградного Сада — так виконані трикутники, розташовані в шахматному порядку, а також орнаментація в основанні шийки — поєднання круглого штампа, — в деталях повторює орнаментацію в основанні шийки кубка із Паркань), відбитками S-овидного і круглого штампів (рис. 8, 2). Відбитки штампа використовуються як додатковий елемент: на черпаку із Петродолинського вони підкреслюють кути трикутників (рис. 8, 3), на черпаку із Виноградного Сада вершини трикутників підкреслюють відбитки S-овидного штампа. Вони ж обмежують широкий орнаментальний пояс цього посуду, а також прикрашають шийку посуду під венчиком (рис. 8, 2).

Публікуючи погребальний комплекс у с. Петродолинське, В.П. Ванчугов і А.С. Островерхов привели аналогії черпаку, зв'язуючи його з S-овидними черпаками із Жаботинського поселення і знахідками із погребень Сахарнянського могильника [Ванчугов, Островерхов, 1984, с. 57—65]. Тут слід погодитися, скоріше, з І.В. Бруяко [Бруяко, 2005, с. 32], а також з В.С. Синицею, С.Н. Разумовим і Н.П. Тельновим, які відносять ці черпаки до «производственным центрам культур фракийского гальштата Дунай-Днестровского междуречья» [Синица, Разумов, Тельнов, 2013, с. 100]. У всякому випадку, такі елементи як відбитки S-овидного і круглого штампів, а також штампований зубчастий узор вказують на зв'язок цих посудів з керамікою культури Сахарна (рис. 2).

Корчаги з циліндричним горлом представлені посудом двох типів (рис. 9). До першого типу належать *корчаги з отогнутим венчиком і циліндричним горлом*: Костычи, 2/2 [Гребенников, Елисеев, Ключинцев, 1984, с. 39, рис. 3, 3, 4] (рис. 9, 1), Суворово, група 1, 4/1 [Тереножкин 1976, с. 62, рис. 31, 2] (рис. 9, 5), Золота Балка, 14/3 [Шевченко, 1987, с. 141, рис. 1, 3—7], Широфанка, 4/1 [Махортых 2005, с. 366, рис. 155, 4—6]. Зимогорье, 2/5 [Дубовская, 1985, с. 167]. Другий тип склали *кор-*

чаги з конусовидним горлом: Калиновка, 1/2 [Тереножкин 1976, с. 47] (рис. 9, 2), Петрово-Свистуново, курган [Бодянский, 1951/12, с. 52—53] (рис. 9, 6). Пятигорлый посуд із Великої Александровки, 1/1 — з високим конусовидним основним горлом і чотирма додатковими, розташованими на плечиках вигнутими, сферичним туловом, плоским дном, включений до цієї групи умовно і тільки тому, що орнаментований канелюрами і, несомненно, належить до «фракийської» групи (або гальштатської кераміки) (рис. 9, 4). Віднесення його до «керносів» теж дуже умовно, т. к. ритуальні функції керносів в основі на використанні додаткових, прикріплених до плечиків посудика-мисочки або горшочка (більш детально см. [Гаврилюк, 2010, с. 271—277]). Ритуальна функція посуду, подібного Великоалександровському інша: якщо наповнити посуд рідиною до венчика і закрити його невеликою кришкою, прижав її і стиснути тем самим додаткове тиснення на поверхню, рідина почне вилитися фонтанами із додаткових горл.

Таким чином, кераміка «фракийської» групи в корпусі степної посуду із предскифських погребень представлена посудом, сопоставимим з керамікою культури Сахарна (раннього і пізнього етапів її розвитку), культури Шолдзешть, імпортом і подражаннями кераміці культурного комплексу Басараб (рис. 1).

Многочисленна група «фракийської» лощеної кераміки степної зони IX — початку VIII в. до н. е. складається із приземистих кубків з отогнутим венчиком і вигнутою шийкою, кубковидних посудів і корчаг з вигнутою шийкою. Поверхності таких посудів покриті широкими орнаментальними смугами. Орнаменти виконані в резній техніці, відбитками зубчастого, S-овидного і круглого штампів. Переважає заповнення геометричних фігур (трикутників, ромбів) косими лініями. Формувальна маса добре вимучена, лощення оливково-сіре, коричневе, іноді — сіре, хорошого якості. Резною і штампованими узорами степних посудів, сопоставимих з сахарнянською керамікою, заповнені білою пастою.

Біла паста в орнаментації кераміки — надзвичайно цікаве явище. Такий спосіб заповнення врезного і будь-якого іншого углубленого (штампованого, наприклад) геометричного узора достатньо часто зустрічається на археологічних пам'ятниках давньої Європи. Інкрустовані білою пастою посуду були знайдені при розкопках пам'ятників до неоліта до раннього залізного століття в Карпатському басейні, а також в Франції, Богемії, нижній Австрії, Малій Польщі, північно-східній Іспанії і Італії. Питання про те, коли біла паста з'являється в Північній Причорномор'ї,

рье — пока открыт. В рассматриваемый нами период — с появлением здесь раннегальштаттской культуры Сахарна.

Нами были взяты на исследование образцы белой пасты из геометрического узора на сосудах культуры Сахарна (Хлижень II-Ла Шанц), Жаботинского поселения и некоторых степных погребений. Исследования геохимического состава образцов белой пасты проводились с помощью микронзондового анализа (SEM-EDS). В большинстве случаев в составе образцов белой пасты присутствовал гидроксипатит (костная зола), а также каолинит, гипс и карбонат кальция. Отметим практически одинаковый состав белых паст на сосудах из Северного Причерноморья.

Технология, которая использовалась гончарами при нанесении орнамента, по всей вероятности, включала нанесение декоративных мотивов с помощью процарапывания и заполнение царапин и надрезов мягкой, влажной белой пастой, которая представляла собой смесь сухой порошкообразной кости с жидкостью, например, с водой, жиром или кровью. В одном из образцов на минеральных частицах пасты были обнаружены 100 нм кокковидные частицы. Основным компонентом этих наночастиц является биоapatит. Эти наночастицы представляют собой формы из биоapatита, размножению и росту которых способствует белковый комплекс, содержащий фетун, который, в свою очередь, является основным биологическим компонентом крови. Вероятно, выбор материала и цвета для паст, применявшихся в инкрустации сосудов, зависел не только от технологических особенностей изготовления. Он также может нести в себе символические черты, особенно, если эти сосуды были использованы в ритуалах в погребальных комплексах.

Любопытно отметить, что белая паста почти всегда присутствует в орнаментации степных сосудов, которые с большой долей вероятности можно относить к «фракийской» группе. Что касается жаботинских кубков — то их орнаментация может быть и без пасты.

Часть рассмотренной лощеной посуды из погребений VIII — первой половины VII в. до н. э. из степной зоны Северного Причерноморья (кубки и кубковидные сосуды с цилиндрическим горлом, кувшины и корчаги с цилиндрическим и с конусовидным горлом) соотносится с керамическим комплексом культуры Шолдэнешть (Басарабь-Шолдэнешть). Основные орнаментальные мотивы такой керамики — каннелюры и конусовидные налпы. Сосуды изготовлены из хорошо подготовленной формочной массы и покрыты отличным черным лощением.

Отметим, что сосуды «фракийской» группы встречены в погребениях, имеющих особый социальный статус:

1) Васильевка, 1/8 — прямоугольная в плане яма с деревянным перекрытием и деревянным

саркофагом, где кубок с орнаментацией стоял слева от черепа погребенного, но за пределами саркофага, а неорнаментированный кубок «белозерской» группы — стоял у стопы погребенного;

2) Великая Александровка, 1/1 — в «овально-прямоугольной» яме с деревянным перекрытием два сосуда фракийской группы — «кернос» с каннелюрами и кубковидный сосуд с зональной орнаментацией — стояли слева от погребенного у ног, два других сосуда: корчага «белозерской» группы и кубок «степной» группы — справа от погребенного;

3) Глиное, 4/2 — в прямоугольной с закругленными углами яме, несмотря на его ограбление в древности, найдено два лощеных «фракийских» сосуда в одной группе инвентаря, третий сосуд «белозерского» облика — в другой.

Возможно, в «социально значимые» погребения ставились сосуды, указывающие на связь погребенного с местным населением, а сосуды «импортные», с богатой орнаментацией составляли иную группу инвентаря, которая в месте с просторной погребальной камерой с дополнительными деталями в виде деревянных конструкций, подчеркивала его высокое положение в социальной иерархии.

Картографирование, даже в самом предварительном виде, «фракийской» группы в корпусе степной лощеной керамики показывает интересные закономерности (рис. 1).

Погребения с лощеной посудой, сопоставимой с керамикой культуры Сахарна, расположены компактно по отношению друг к другу, тяготеют к Черноморскому побережью и нижним течениям рек, лишь единичные комплексы встречены вглубь лесостепной зоны. В IX — начале VIII в. до н. э. прослеживается меридиональный вектор распространения в Северном Причерноморье комплексов с керамикой «фракийской» группы.

Погребения с посудой, сопоставимой с керамикой культуры Басарабь-Шолдэнешть (включая импорты и подражания культурному комплексу Басарабь) показывают большую рассеянность по отношению друг к другу, а также сравнительно широкое распространение в степной и южной лесостепной областях Северного Причерноморья. В VIII — первой половине VII в. до н. э. наблюдается большее освоение степных и южных лесостепных пространств, а также широтный вектор распространения комплексов с керамикой «фракийской» группы.

Открытым остается вопрос о путях проникновения «фракийской» керамики в степную зону Северного Причерноморья. Безусловно, это могли быть и обменно-торговые контакты, и этнокультурные влияния. Разграничить эти направления можно будет с использованием современных аналитических методов исследования древней керамики, чему посвящен проект, в ходе которого проводится данное исследование.

- Бодянский О. Відчити за археологічні досліді 1951 року / НА ІА НАН України. — 1951/12.
- Борзияк И.А., Дубовская О.Р. Новое погребение предскифского времени в Молдавии // Изв. АН МССР, серия общественных наук. — 1986. — № 2. — С. 71—73.
- Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р.Х.). — Кишинев, 2005. — 358 с. (Археологические источники Восточной Европы).
- Ванчугов В.П., Загинало А.Г., Тоцев Г.Н. Охранные раскопки кургана у с. Траповка Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. — Киев; Одесса, 1976. — С. 214—224.
- Ванчугов В.П., Островецких А.С. Позднекимерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одессине. — К., 1984. — С. 57—65.
- Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — К., 1984. — С. 5—24.
- Гаврилюк Н.А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К., 1979. — С. 20—41.
- Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты в киммерийской культуре (по материалам керамики) // ВДИ. — 1999. — № 1. — С. 85—97.
- Гаврилюк Н. Історія дослідження кераміки доби раннього заліза та археологічне матеріалознавство // Український керамологічний журнал. — 2004. — № 1. — С. 25—30.
- Гаврилюк Н.А. Керносы из материалов городищ Нижнего Поднепровья // Symbola. — Москва; Киев, 2010. — С. 271—277.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глиняный II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978—79 гг. и 1989—90 гг.). — Тирасполь, 1995. — 272 с.
- Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX—III вв. до н. э.). — Николаев, 2008. — 192 с.
- Гребенников Ю.С., Елисеев И.Ф., Ключинцев В.В. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — К., 1984. — С. 33—49.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. — К., 2011. — 848 с.
- Дараган М., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista Arheologică. — 2008. — Vol. IV, 2. — С. 40—74.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологический соотношения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. — СПб, 2012. — Кн. 2. — С. 332—339.
- Дараган М.Н., Подобед В.А. Жаботинский горизонт и черногоровская культура: хронологический соотношения // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 32—45.
- Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. — 1985. — № 2. — С. 166—172.
- Евдокимов Г.Л., Курпий Н.М., Солтыс О.Б. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства оросительной системы в Херсонской области Краснознаменной экспедиции в 1989 г. / НА ІА НАН України. — 1989/24.
- Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 223 с.
- Кайзер Э., Кашуба М., Гаврилюк Н., Кулькова М. Дискуссионные проблемы изучения керамики у ранних кочевников Северного Причерноморья // Еминак. — 2016. — № 4. — С. 34—41.
- Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. — 2000a. — № 3. — С. 241—488.
- Кашуба М.Т. Заметки о формировании среднегалльштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье // Stratum plus. — 2000b. — № 3. — С. 140—156.
- Кашуба М.Т. Древние вещи в поздних контекстах, или История сосуда из кургана Паркань 97 в Северо-Западном Причерноморье // Археологические вести. — 2016. — № 22. — С. 187—195.
- Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. — 1985. — № 4. — С. 144—154.
- Ларина О.В., Кашуба М.Т. Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье // Revista Arheologică. — 2005. — Vol. I, nr. 1. — С. 212—239.
- Махорных С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 380 с. (Bibliotheca Vita Antiqua).
- Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // Памятники скифо-сарматской культуры. — М., 1962. — С. 114—166 (МИА. — 115).
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 233 с.
- Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 16—29 (Археология СССР).
- Педіть Д.М. Фігурні штампи в орнаментуванні чорноліської кераміки Середньої Наддніпрянщини // Магістеріум. Археологічні студії. — 2005. — Вип. 20. — С. 53—58.
- Ромашко В.А. Памятники финальной бронзы — раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск, 1981. — С. 37.
- Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). — К., 2013. — 592 с.
- Серова Н.Л., Яровой Е.В. Григоринопольские курганы. — Кишинев, 1987. — 145 с.
- Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. Курганы у села Буторы. — Тирасполь, 2013. — 146 с. (Археологические памятники Приднестровья. — Вып. I).
- Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — 136 с.
- Славін Л.М., Бондар М.М. Розкопки 1956 р. Причерноморської археологічної експедиції Київського державного університету / НА ІА НАН України. — 1956/10a.
- Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 102—116.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т., Явичук В.И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья // МАСП. — 1976. — Вып. 8. — С. 186—201.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 220 с.

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.Н., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989. — 212 с.
Шапошникова О.Г., Балущин А.М., Гребенников Ю.Н. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 г. / НА ІА НАН України. — 1984/9.

Шевченко Н.П. Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 140—147.

Яровой С.В., Агульников С.М. Курганы білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністрів'ї // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1995. — Вып. V. — С. 181—185.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. Киммерийский курган у пгт Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. — Тирасполь, 2002. — С. 279—343.

Kašuba M. Zur Entstehung der Basarabi-Kultur in Osteuropa // Scripta praehistorica varia in honorem Biba Teržan. — Ljubljana, 2007. — S. 369—380 (Situla: razprave Narodnega muzeja v Ljubljani — dissertationes Musei nationalis Sloveniae. — 44).

Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. — 2008a. — Bd. 14. — S. 193—231.

Kašuba M. Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijlociu — observații preliminare // Tyragetia. — 2008b. — Vol. II (XVII), nr. 1. — P. 37—50.

Niculiță I., Niciș A. Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țigla. — Chișinău, 2014. — 423 p. (Biblioteca Tyragetia. — XXV).

Niculiță I., Zănoici A., Arnăuț T. Habitatul din mileniul I a. Chr. În regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). — Chișinău, 2008. — 408 p. (Biblioteca Tyragetia. — XVIII).

*Е. Кайзер, Н.О. Гаврилюк,
М.Т. Кашуба, М.А. Кулькова*

ПОСУД «ФРАКІЙСЬКОЇ ГРУПИ» З СТЕПОВИХ ПЕРЕДСКІФСЬ- КИХ ПОХОВАНЬ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я ПЕРСПЕКТИВИ ВИВЧЕННЯ

Розглянуто лощений посуд з поховань ранніх кочовиків (IX—VIII/VII ст. до н. е.) з Північного Причорномор'я. Аналіз робіт попередників показав, що вивчення лощеного посуду з степових передскіфських поховань Північного Причорномор'я — дослідницький процес, що динамічно розвивається. Визначені основні проблеми, котрі необхідно вирішувати з врахуванням важливих результатів, пов'язаних з переглядом концепції культурно-історичного розвитку лісостепу Північного Причорномор'я (разом зі Східни Прикарпаттям) та пониженням хронології пере скіфського і ранньоскіфського періодів. Коротко проаналізована кераміка «фракийської» групи (близько 40 екземплярів) присутність якої серед степового лощеного посуду ставилась під сумнів, а матеріали вважались нечисленими. Це кубки, кубоподібні посудини корчаги, черпаки та глеки. Дана коротка характеристика їх орнаменталії. Попереднє картографування «фракийської» групи показує вектори її розповсюдження. Комплекси з посудом цієї

групи з'явлені з керамікою пам'яток культури Сахарна (IX — початок VIII ст. до н. е.), розташовані компактно і тяжіють до Чорноморського узбережжя та регіонами нижніх течій рік. Лише поодинокі комплекси з таким посудом зустрінуті у глибинах лісостепової зони. Степові поховання з посудом культури Басарабь-Шолданешти, включаючи імпорти та наслідування культурному комплексу Басарабь (VIII — перша половина VII ст. до н. е.) показують більшу розповсюдженість. Для цього періоду можна говорити про освоєння мобільними співтовариствами степової та південної лісостепової областей Північного Причорномор'я.

Ключові слова: Північного Причорномор'я, ранній залізний вік, ранні кочовики, культура Сахарна, культура Басарабь-Шолданешти, кераміка, орнаменталія.

*E. Kaiser, N.A. Gavrilyuk,
M.T. Kashuba, M.A. Kulkova*

VVESSELS OF THE «THRACIAN GROUP» FROM THE PRE-SCYTHIAN GRAVES IN THE STEPPES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION: THE POSSIBILITIES OF RESEARCH

The article is devoted to glazed ceramics from the burials of the early nomads (9—8/7 centuries BC) of the Northern Black Sea region. An analysis of the works of the predecessors showed that the study of glazed ceramics from the steppe pre-Scythian burials of the Northern Black Sea Region is a dynamically developing research process. The main problems that need to be addressed in view of important results related to the revision of the concept of the cultural and historical development of the forest-steppe of the Northern Black Sea Region (including the Eastern Carpathian region) and a decrease in the chronology of the pre-Scythian and Early Scythian periods are identified. The vessels of the «Thracian» group (more than 40 specimens) were briefly analyzed, the presence of which among the steppe glazed ceramics was questioned, and the materials were considered to be small. It are cups, cup-shaped vessels, korchages, bowls and jugs. A brief description of its ornamentation is given. Preliminary mapping of the «Thracian» group shows the vectors of its distribution. Complexes with such vessels are comparable with the ceramics of Saharna culture (9 — beginning of the 8 century BC) and are compact and gravitate towards the Black Sea coast and the lower regions of rivers, only single complexes are found deep into the forest-steppe zone. Burials with vessels comparable to the ceramics of the Basarabi-Șoldănești culture, including imports and imitations of the cultural complex of Basarabi (8 — the first half of the 7th century BC) show greater absentmindedness towards one another on the stepian zone. For this period, we can talk about the development by mobile communities of the steppe and southern forest-steppe regions of the Northern Black Sea Region.

Keywords: Northern Black Sea Region, Early Iron Age, early nomads, Saharna culture, Basarabi-Șoldănești culture, ceramics, ornamentation

Одержано 1.04.2017